

М. ДУБЯНСКАЯ

РАЗГОВОР *по душам*

П Р О Ч Т И

И П О Д У М А Й

М. Д У Б Я Н С К А Я

РАЗГОВОР

по душам

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1956

Рисунки и обложка художника С. ЗАБАЛУЕВА

В ГОСТЯХ У СЫНА

— Вот наказание! — сердился Витя Сизов. — Нитка не лезет в иголку, иголка не лезет в пуговицу. Была бы здесь мама, мигом бы пришила, а тут возись!

Мама вспоминалась Вите в тех случаях, когда ему чего-нибудь не доставало. Если лагерный обед казался неудачным, он говорил: «Мама приготовила бы вкуснее!» Дома всегда можно покапризничать — не нравятся макароны, мама блинчиков напечет. А тут ешь, что дают!

Еще вспоминал Витя маму перед сном: ведь она всегда желала ему спокойной ночи. Впрочем, теперь Витя засыпал так быстро, что подумать о матери удавалось редко. А лагерный день пролетал незаметно.

В последние дни Витя Сизов особенно крепко подружился с Володей Ивановым.

Мальчики напилили себе рюхи и все свободное время играли в городки. Даже в воскресенье, когда ребята то и дело выбегали за ворота посмотреть, не идут ли гости, приятели не отрывались от игры.

— Эй, городошники! К вам мамы приехали! — слышали они вдруг.

— Вот... не успели кончить партию, — вырвалось у Вити. А Володя быстро бросил палку и с радостным криком помчался по дорожке.

Витя неловко стоял перед матерью и, озираясь, говорил:

— Ну что ты меня вертишь во все стороны? Неужели не видела?

— Конечно, не видела, — радостно смеялась мама. — Как ты загорел! Весь черный — и спина и грудь.

— Станешь черным, — важно говорил Витя, — целый день то купаешься, то загораешь...

— А не много ли ты купаешься? — забеспокоилась мама. — Ведь у тебя гланды. Тебе и на солнце-то нужно быть поменьше! Я поговорю с начальником лагеря.

— Посмей только! — крикнул Витя. — Я тебе не маменькин сынок!

Это вышло так грубо, что мама посмотрела на сына с удивлением и испугом. Они помолчали. Потом мама сказала:

— А я привезла тебе...

— Что, что? — оживился Витя.

— Бутылочку молока...
— Молока... — поморщился Витя. — А еще что?

— А еще... — таинственно сказала мама и бережно вынула зеленую банку. — А еще клубнику свежую. Наверное, здесь нет такой.

— Клубники нет, а земляники сколько угодно, даже надоело, — хвастал Витя, уплетая за обе щеки крупную сочную ягоду и запивая ее молоком.

— Мама, а ты сама ела? — спросил он вдруг, когда на доньшке оставалось всего несколько ягод.

— Кушай, кушай! — успокоила его мама.

Она рассказывала Вите о своей фабрике, о том, что ее перевели в другой цех. Витя слушал рассеянно: он думал о недоигранной партии в городки.

— А теперь расскажи мне про твои лагерные дела. С кем ты дружишь? — допытывалась мама.

Витя отвечал неохотно и односложно:

— Ну какой тебе интерес, ведь ты все равно их не знаешь!

Мама посмотрела на часы.

— Ты уже собираешься уезжать? — спросил Витя.

— Я думала, — сказала мама, глядя в сторону, — ехать с семичасовым, но, пожалуй, успею и на этот.

Витя встал.

— А когда ты еще приедешь?

— Пожалуй, — сказала мама, пристально глядя на сына, — больше приезжать не стоит. И так твоя смена скоро кончится.

Сын проводил маму до ворот. Она поцеловала его.

Потом, не оглядываясь, пошла по дороге.

«Поскорее найти бы Володьку!» — нетерпеливо подумал Витя и тут же увидел приятеля, который галопом мчался по саду.

— Подожди, Володька!

Но тот, не слушая, стремглав побежал дальше. Теперь только Витя заметил, что у Володи в руках большой букет.

— Наверно, нарвал для мамы...

Витя увидел, как Володина мама взяла цветы, обняла сына. Так, обнявшись, они пошли по саду.

И вдруг Витя вспомнил, как его мама уходила усталой походкой, как в ее корзинке звенели пустые банка и бутылка из-под молока.

Он даже не пригласил ее отдохнуть в гамаке, не показал ей речку...

Все это представилось ему с такой силой, что у него запершило в горле. Ему захотелось побежать за мамой, вернуть ее и, тесно прижавшись к ней, так же, как Володя, долго гулять по саду.

Но она была уже далеко. Может быть, даже садилась в поезд.

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Соне сшили новую форму: шерстяное коричневое платье с кружевным воротничком и черный передник с крылышками. Все это сидело на ней замечательно.

Стояли еще теплые дни, и Соня, очень довольная, что можно покрасоваться в новом наряде, выбежала на улицу без пальто. Быстро размахивая портфелем, она легко и весело шагала в школу.

И вдруг остановилась:

— Что я наделала? Я ведь не выключила утюг, которым разглаживала пионерский галстук! Что же теперь будет?

Проще всего было вернуться домой: до начала уроков оставалось еще четверть часа. Но как вернешься, если в ушах так и звенят слова квартирной соседки:

— Милочка, никогда не возвращайся назад; не будет тебе ни пути, ни удачи; самая это верная примета.

«Придумает же глупости!» — Соня тряхнула головой и решительно повернула к дому.

Но, пройдя несколько шагов, опять остановилась. А если примета все-таки верная? Еще зацепишься за какую-нибудь проволоку и разорвешь новое платье или Анна Павловна по геометрии вызовет. Урока ведь не приготовила как следует: весь вечер примеряла новое платье перед зеркалом...

«Да ну, ерунда, пойду — и все!»

Ну, а вдруг примета и вправду верная, что тогда? Ведь вот в прошлом году, когда соседская Света сле-

шила на экзамен, ей
дорогу черная кошка
перебежала. Надо было
обежать кошку, а Света
не сделала этого. Ну
и провалилась на экза-
мене. А про Ирку, на-

оборот, все думали, что
обязательно провалит-
ся, а она как раз вы-
держала экзамен, даже
четверку получила.
А все потому, что пя-
так под пятку положи-
ла... Как же тут не ве-
рить?

Пришлось опять по-
вернуть к школе...

Но тут тревожная
мысль заставила Соню
снова изменить направ-
ление.

«А ведь от утюга будет пожар! Непременно будет! Что же делать? Что делать?»

Так металась она из стороны в сторону, пока не услышала бой башенных часов: до начала занятий оставалось пять минут.

Соня помчалась в школу.

Первым уроком была геометрия. Анна Павловна объясняла новую теорему. Соня старалась слушать, но ничего не понимала и не слышала. Она думала об утюге: вот прогорела подставка, тлеет стол, загорелись занавески...

— Повтори, Петрова, — сказала Анна Павловна.

Соня пошла к доске, но повторить ничего не могла. Затем пришлось сознаться, что и домашнее задание не выполнено.

Печально возвращалась на свое место Соня Петрова: в дневнике ее красовалась свеженькая двойка.

— Вот тебе и примета!..

Учительница велела открыть тетради и списать теорему с доски. Соня обмакнула перо в чернила, но так как тревожные мысли ее были совсем далеко и рука от волнения дрожала, то перо опустилось вместо тетради на рукав нового коричневого платья. Соня чуть не заревела. В перемену она говорила ребятам:

— Ну и пусть двойка! Мне теперь все равно! У нас, может быть, вся квартира сгорела, а может быть, и весь дом!..

— Так что же ты здесь стоишь?! — ужаснулись ребята. — Звони скорее папе и маме на работу!

— И где только вы будете теперь жить? — испуганно шептала Сониная подруга Катя Чижова.

А Витя Веточкин всплеснул руками:

— Неужели и новый телевизор сгорел?!

Соня не выдержала и, заревев, выбежала на улицу.

Она бежала, задыхаясь от волнения и страха, ничего и никого не видя перед собой.

— Ишь, несется как угорелая! — крикнула вдогонку какая-то сердитая старушка. — На пожар летишь, что ли!

— Конечно, на пожар, — сквозь слезы бормотала Соня. Она уже видела перед собой пожарных в свер-

кающих касках, высокие пожарные лестницы, длинные шланги, улицу в дыму и огне...

Но вот и дом. Соня перевела дыхание. Нет ни пожарных, ни насосов, ни потоков воды...

И дыма нет на лестнице... Неужели пожар уже кончился?

Соня судорожно сунула ключ, повернула его, открыла дверь и, замирая от страха, вошла в комнату.

Утюг был выключен.

«Рассеянная с улицы Бассейной, — ругнула себя Соня, в изнеможении опускаясь в кресло. — Ну, что стоило мне вернуться сразу и проверить!»

— Милочка, почему так рано? Не случилось ли чего? Ведь сегодня тринадцатое и к тому же понедельник! — слышался сладкий голос соседки.

— Случилось! — сердито крикнула «милочка». — Двойку заработала, новое платье испортила, с урока ушла...

«Все из-за вас», — хотела прибавить Соня, но соседка уже исчезла.

А Соня сидела и бормотала с горькой усмешкой:

— Верная примета! Верная примета!

КОСТИНА РОМАНТИКА

В перемену ребята окружили звеньевого Костю Судакова.

— Скучно у нас, — жаловались они. — Вот у других и походы с приключениями и кукольные театры... А у нас ничего.

— У других! — Костя даже покраснел от обиды. — Подумаешь, романтика! Вот у нас будет так будет!

— Что у нас будет, что? — приставали ребята. Но Костя только загадочно улыбался.

Весь следующий день Костя был задумчив и рассеян: морщил лоб, потирал руки... Словом, всем было ясно, что он придумывает что-то необыкновенное, романтическое...

Все звено ходило за ним следом.

— Может, надо помочь? — осторожно спросила Рая Теплова.

— Не надо, — отрезал Костя.

И вот на предпоследнем уроке Рая обнаружила у себя в парте синий конверт, на котором печатными буквами было написано: «Не вскрывать до прихода домой». Легко сказать, до прихода домой!.. Рая заметила, что такие же синие конверты прячут под партами и другие ребята, а Костя, скосив глаза, наблюдает за ними.

— Что ты вертишься как юла, Судаков? — сказала учительница. — Сиди спокойно.

Рая воспользовалась этой минутой, быстро вскрыла конверт и, вытащив маленькую записку, с удивле-

нием увидела на ней какие-то числа. Что бы они означали?

В перемену все первое звено сбежалось, и ребята, пряча от звеньевого свои синие конверты, стали шептаться:

— 8, 1, 3, 19, 17, 1... Как разгадать эти таинственные числа?

Костя наблюдал за ребятами издали и только посмеивался, потирая руки: «Помучаетесь вы у меня!»

Рая все время думала о числах, она даже запомнила их наизусть. И когда учительница русского языка вызвала ее к доске, вместо того чтобы написать сложносочиненное предложение, Рая Теплова, на удивление всему классу, вывела на доске мелом:

— 8, 1, 3, 19, 17, 1...

Все остальное вылетело у нее из головы.

Дома Рая только и делала, что бегала по всей квартире с таинственной запиской.

— Что же это значит? — гадали соседи.

Поздно вечером сосед дядя Саша, старый телеграфист, постучался к Тепловым:

— Так вот какое дело. Это не иначе, как шифрованная телеграмма. По всей видимости, каждое число означает какую-нибудь букву по порядку алфавита.

Рая заметалась по комнате: «Где мой старый букварь?» Ведь она давно уже позабыла порядок букв по алфавиту.

Перевернув все в комнате вверх дном, Рая, наконец, обнаружила свой букварь в корзинке, где спал котенок.

— Восьмая буква, восьмая буква, — торопливо бормотала Рая, усевшись с букварем за стол. — Какая же это? Ага, это буква «з»! Первая по порядку? Это, конечно, «а»! А третья, третья? «в»! Девятнадцатая... девятнадцатая, какая же это? «т»! Ура! — закричала Рая на всю квартиру. — Завтра!

— Я знаю, — кричала она в телефонную трубку своим приятелям. — Завтра!

Этим коротким словом «завтра» приветствовали утром в школе друг друга пионеры первого звена.

— Не завтра, а сегодня, — важно вставил Костя.

— Вчера было завтра, а сегодня — это сегодня! — весело перемигиваясь, шутили ребята.

А сами спрашивали Раю:

— Что будет сегодня? Ведь у нас Райка — всезнайка!

Но и Рая сама, несмотря на все старания, не могла ничего добиться от Судакова, хотя и была его соседкой по парте.

Костя загадочно улыбался:

— Узнаете после уроков.

И вот, наконец, уроки кончились. Костя потушил верхний свет в классе и, остановившись перед учительским столом, торжественно начал:

— Ребята, сбор первого звена, посвященный успеваемости и дисциплине, считаю открытым.

Все удивленно задвигались, зашумели, а Костя важно продолжал:

— За последнее время успеваемость и дисциплина в нашем звене снизились. Например, вчера Константин Судаков, то-есть я, получил замечание в классе, а Райса Теплова заработала двойку...

— Так это же из-за твоих конвертов, — возмутилась Рая. — Ты лучше скажи скорее, что будет.

— Что будет? Что будет? — хором закричали ребята и нетерпеливо затопали ногами, как это бывает в кино, когда рвется лента.

Вместо ответа Костя невозмутимо вытащил из портфеля что-то похожее на древний пергаментный свиток и, развернув его, сказал:

— Здесь скрыта мудрая тайна отличной успеваемости. — Он поднес свиток к самым глазам (Костя был близорук, а в классе было полутемно) и проникновенно произнес:

— Режим дня!

Семь часов утра — подъем.

Семь часов пять минут — зарядка, семь часов десять минут — умывание... — с увлечением читал Костя, радостно ощущая тишину в классе. («Сумел-таки всех заинтересовать!» — с гордостью думал он.) Костя добрался уже до полудня, когда внезапно кто-то резко дернул его за рукав:

— Ты что, озорник, один в классе делаешь? Почему домой не идешь?

Костя вздрогнул. Перед ним стояла нянечка из раздевалки.

— Как один? — возмутился Костя. — У меня звено! — И тут, оглядевшись, увидел, что в классе совершенно пусто.

Выйдя из школы, он услышал знакомый голос Раи Тепловой. С веселым криком съезжала она на своем портфеле со школьной горки. Все звено было здесь.

«Вот и старайся для них, — подумал звеньевой, — разве понимают они что-нибудь в романтике?»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Светлана задержалась в школьной библиотеке и теперь торопилась поскорей домой: ведь сегодня день ее рождения, и в гости к ней придет все звено!

Девочка быстро оделась и, перепрыгивая через две ступеньки, весело сбежала с лестницы.

Но внезапно она остановилась, почувствовала странное беспокойство. Что же это такое? Неужели все потому, что сегодня после уроков девочки спросили, не забыла ли она пригласить Тамару? Неужели забыла? А ведь Тамара Ковшова уже убежала домой...

Нет, она не забыла, а просто не захотела приглашать к себе Ковшову. Что у нее и у других ребят общего с этой скучной, молчаливой Тамарой? Правда, в начале года, когда Тамара Ковшова только приехала из какой-то далекой сибирской школы, всем показалось, что она умная, много читала, много знает. Светлана даже начала с ней дружить. Но теперь Тамара от всех отдалилась. Ни в кино с ребятами, ни на каток: все одна и все молчит. Двойку получила и то молчит. Сколько раз пробовали ее расспрашивать: что с ней, не надо ли помочь? А она только сердито отмахивается: отстаньте, мол, от меня!

Не хочет дружить и не надо! Подумаешь!

Светлана задумчиво спустилась с последней ступеньки, толкнула тяжелую входную дверь и вышла на улицу. Крупные снежинки, как белые бабочки, закружившись, мягко опустились на ее коричневую шубку.

Девочка посмотрела на голубую, уходящую вдаль снежную дорогу и вздохнула.

Как было бы все хорошо, если бы не это...

Светлана прошла несколько шагов, помедлила. Надо было скорее бежать домой, помочь матери по хозяйству, все приготовить к приходу гостей...

Но, решительно тряхнув головой, она повернула совсем в другую сторону.

* * *

Тамары в комнате не было. За столом сидела молодая смуглая женщина с толстой, небрежно заплетенной косой. Она сидела в кресле, укутанная в белый пуховый платок. На коленях у нее лежала раскрытая книга. Но женщина смотрела рассеянно куда-то поверх страниц. Она даже не пошевелилась, когда вошла Светлана.

— В гости? — переспросила она и отрицательно покачала головой. — Нет, Тамаре не до гостей.

— Почему? — удивилась девочка. — Ведь завтра воскресенье!

— Воскресенье, понедельник... какая разница... Нет, Тамара никуда не пойдет.

— Но почему же? — уже совсем робко спросила Светлана.

— Комната не убрана, печка не топлена. Разве не видите?

Светлана оглянулась. На столе — немытая посуда, перед холодной печкой брошена вязанка дров.

— Тамара ушла в баню малышку мыть, — продолжала женщина, — придет — обед будет готовить. Она даже не успела причесать меня.

Светлана во все глаза смотрела на женщину: что же это такое? Почему она сама ничего не делает? А что, если она не мать, а злая мачеха, которая, как Золушку, мучит Тамару?

Девочке стало страшно. Ей даже показалось, что и голос у женщины какой-то особенный, глухой, и говорит как будто сама с собой, ни к кому не обращаясь.

— Я ее уговариваю: оставила бы пока школу. А она

мне: «Нет, не могу! Нельзя». А вчера пришла из школы, ничего не рассказала, не поела, легла. И потихоньку под одеялом плакала. Это чтобы меня не разбудить, не потревожить. А я не сплю по ночам, все о ней думаю...

Светлана посмотрела на женщину и вдруг почувствовала, что нет в ней ничего страшного. У нее большие серые глаза и очень грустное лицо.

— Думаю, — медленно говорила мать, — как трудно ей с таким гордым характером! Говорю ей: «Попросила бы подруг помочь». А она: «Какие там подруги! Только о себе они думают, что я им...»

— Неправда! — возмущенно крикнула Светлана. — Если б мы хоть что-нибудь знали! — Она хотела прибавить: «Я и теперь ничего не понимаю...» Но тут платок на груди женщины распахнулся, и Светлана увидела: ее руки забинтованы.

— Вот как ошпарилась, — сказала Тамарина мама, — обе руки сразу. С ложечки меня теперь кормить надо...

Светлана кинулась к ней.

— Вы поправитесь! Это пройдет! — бережно прикрыла ее. — Мы все, все будем помогать вам. Тамаре будет легко учиться. Вы увидите, как все хорошо получится.

«Так вот откуда эти двойки!..»

Светлана быстро скинула шубку и подбежала к печке.

— Что вы, что вы, не надо! — забеспокоилась Тамарина мама. — Вы замажете платье...

Ловким, привычным движением Светлана повязалась вместо фартука широким полотенцем.

— Не думайте, что я белоручка. Я все умею и все люблю делать сама.

И правда, все спорилось у нее в руках. Вот уже ярко затрещали поленья в печке, подметена комната, перемыта посуда, и Светлана принялась стряпать обед. Пока обед готовился, Светлана рассказывала Тамариной маме о своем отце-моряке, который с дальнего плаванья присылает такие интересные открытки, о маме и даже станцевала ей что-то. Светлана так увлек-

лась, что забыла о том, что надо бежать домой помогать маме, что, может быть, и гости уже собираются.

А Тамарина мама повеселела. Время летело быстро, быстро готовился обед, и когда из бани пришли закутанные, покрасневшиеся девочки, стол был уже накрыт.

Тамара вздрогнула от неожиданности, увидев хозяйничавшую Светлану.

Это еще что за новости! Что ей здесь нужно? Она подошла к Светлане и, глядя на нее злыми глазами, спросила:

— Пришла маме про мои двойки рассказывать?

Увидела прибранную комнату, накрытый стол, и слезы подступили у нее к горлу.

— Не надо мне твоей жалости, сама справлюсь. Уходи, уходи! Не смей больше приходить. Не надо мне помощи, ничего, ничего не надо...

Плечи ее дрогнули, и она закрыла лицо руками.

— Ах, так! — рассердилась Светлана. — Хорошо, я уйду. Но ты сама виновата. Никому не веришь... Все скрываешь... и еще плачешь...

И, быстро накинув пальто, Светлана убежала, не обращая внимания на то, что ее отчаянно звала Тамарина мама.

* * *

Фима Сокольский был самым серьезным и самым рассеянным в классе. Вот про последнее ребята, наверное, и забыли, когда поручили ему принести из дому для Светланы праздничный торт. Торт должна была купить Фимины мама.

Так как подарок был от всего звена, то решено было, что соберутся у подъезда

Светланиного дома, а потом все вместе пойдут к ней на день рождения.

Но Фима, по своему обыкновению, все перепутал. Вместо семи часов пришел к шести. Целый час бродил мальчик с огромной коробкой вокруг дома. Окончательно замерзнув и решив, что ребят он проворонил, Фима поднялся во второй этаж и позвонил.

— Ой, Фима! — обрадовалась Светлана. — А ты ведь первый, никого нет, — dokonчила она смущенно.

Вконец растерявшись, Фима совсем забыл, что торт надо бы вручить виновнице торжества. Вместо этого он повесил торт за веревочку на вешалку рядом с пальто. Тоненькая веревочка тут же лопнула, и торт мягко шлепнулся на пол. Хорошо еще, что он не вывалился из коробки, а только порядком помялся.

— Ой! — крикнула Светлана. А Фима, махнув рукой, побежал на улицу встречать друзей.

Когда, наконец, ребята всей гурьбой ввалились к Светлане, смеху и шуткам не было конца. Фима несколько не обижался, он и сам смеялся над своей рассеянностью.

Все, однако, заметили, что Светлана чем-то взволнована, ей не терпелось рассказать друзьям про Тamarу.

Все были потрясены: подумать только, как мало они знают друг о друге!

— Помните, ребята, — сказал Фима, — сколько раз на совете отряда сидели мы и гадали, какую бы нам тимуровскую работу придумать, где бы найти подходящую старушку, чтоб помогать ей?..

— А рядом с нами, — подхватила Люда Лебединская, — сидит девочка, у которой беда, а мы и пальцем не пошевелили.

— Но ведь Тамара сама виновата, — горячо сказала Светлана. — Зачем она молчит? И вообще нельзя быть такой гордячкой. Ее маме от этого нисколько не легче, — закончила Светлана.

* * *

Веселье было в полном разгаре, когда в передней раздался звонок.

Светлана побежала открывать дверь. Открыла — и остановилась пораженная. Перед ней стояла Тамара.

— Как хорошо, что ты пришла, Тамара, милая! Ребята так обрадуются!

— Это я из-за мамы, — хмуро сказала Тамара. Она вдруг порывисто обняла Светлану и побежала к двери.

— Куда ты, Тамара, вернись! — закричали ребята, выбежавшие из комнаты.

Но в том, что она пришла, и даже в том, что так смешно убежала, было что-то новое и очень хорошее. И не беда, что она сегодня не осталась. Все равно все знали, что теперь уж Тамара никогда больше не будет одна.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Наташа пришла из школы и показала бабушке свой дневник. Бабушка расстроилась.

— Вот, горе мое, опять двойку получила! С тех пор как мать в командировке, совсем от рук отбилась. Учительница жалуется, говорит, стала плохо по арифметике уроки готовить. Теперь-то я послежу за тобой. Все дела брошу, а от стола тебя не отпущу, пока уроки не сделаешь.

— И ни капельки это не поможет! — сказала Наташа. — Ты, бабушка, в класс не ходишь и не знаешь, как учительница объясняет. Вот если бы я с девочкой занималась, у меня бы все пятерки были. Что я забыла, она вспомнит, что она забыла, я вспомню...

— Ну что ж, занимайся с подругой. Разве я против?

Вечером Наташа привела с собой Люсю, живую, быстроглазую девочку. Люся внимательно оглядела всю комнату, потрогала коврик на стене, переставила слоников на туалетном столике, понюхала одеколон, поиграла с котенком... Потом сказала:

— Только я к тебе не надолго. Мама в семь часов купает Вовку, мне помогать ей надо.

— Так давай скорее заниматься! — И Наташа стала торопливо читать задачу: — «Две девочки нашли девяносто грибов и разделили их между собой так, что одной досталось в два раза больше, чем другой. Сколько грибов досталось каждой девочке?»

Наташа задумалась и вдруг спросила:

— Ты какие любишь грибы?

— Рыжики. А что?

— А я всякие-всякие люблю. Я все знаю про грибы: и как называются и где растут. Подберезовик — под березой, подосиновик — под осиной, а свинуха — в песке.

— Что за свинуха? — засмеялась Люся. — Таких грибов не бывает.

— Нет, бывают! Я с бабушкой в колхозе жила и все грибы знаю.

— А я в лагере жила и знаю, что таких не бывает.

— А вот бывают!

— Что за шум? — спросила бабушка, приоткрыв дверь в комнату.

— Это мы задачу про грибы решаем, — сказала Наташа. И снова начала: — «Две девочки нашли девяносто грибов...»

— Ой, сколько же это бьют часы? Уже семь! — прервала ее Люся. — Решай сама! — и побежала купать Вовку.

Наташа осталась одна.

— Ну что, помогла тебе эта вертушка? — спросила бабушка.

— Да, помогла! Все разглядывает, все трогает... И такая спорщица!

— Ты бы ее остановила.

— Что ты, бабушка! Это невежливо, ведь она в гости пришла. Вот если бы еще одна девочка была, она бы ее остановила.

— Ну пригласи и вторую подружку. Разве я против? Только болтать не будете?

— Болтать! Что ты, бабушка!

На следующий день вместе с Люсей пришла Катя, краснощекая, толстененькая, в больших очках. Бабушка внимательно оглядела ее и облегченно вздохнула:

— Слава богу, эта, видать, посерьезнее.

Катя степенно прошла в комнату, села за стол и открыла задачник.

— «На четыре платья пошло двенадцать метров

ткани. Сколько таких платьев выйдет из ста сорока четырех метров ткани?» Что мы должны узнать сперва? Отвечай, Наташа.

— Сперва мы должны узнать, сколько метров ткани идет на одно платье. Для этого нужно двенадцать

разделить на четыре, получится три, — бойко ответила Наташа и, внезапно сорвавшись с места, побежала к шкафу. — А мне мама два метра материи купила и уже сарафанчик сшила. Видишь какой — все розочки и листики, розочки и листики. А лоскутки мама подарила мне, я из них своим куклам платье сшила.

— Ты играешь в куклы? — спросила Катя и засмеялась.

— Играла, когда маленькая была. Не выбрасывать же их! — обиделась Наташа.

— А ты покажи, — попросила Люся.

Наташа вытащила из корзины две большие куклы.

— Какие славные! — закричала Люся. — Я возьму беленькую.

— А я черненькую, — тихо сказала Катя и, усевшись на пол, деловито осведомилась: — Она с закрывающимися глазами?

Наташа не ответила. Она обиженно посмотрела на подруг:

— А я что же?

— А ты будешь в Доме пионеров учительницей танцев. Мы к тебе приведем кукол.

— Ладно, — согласилась Наташа, под села к подругам, и игра началась.

— Ах, вот как вы занимаетесь, — в куклы играете! — услышали девочки. На пороге стояла бабушка. — И задачи небось не решили?

— Не решили, — смущенно призналась Наташа.

Бабушка оглядела девочек, усмехнулась, угостила чаем. Потом она помогла Наташиным подругам одеться и проводила до двери. Наташа осталась одна. Бабушка посмотрела на расстроенную внучку:

— Ну что же, и с двумя подружками не получилось? Выходит, целый класс надо звать тебе на подмогу?

— Не надо, бабушка, никого не надо. Я как-нибудь уж сама...

ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ

Летом школа превратилась в лагерь. Под веселые звуки горна стали собираться сюда на утреннюю линейку ребята со всех ближних дворов.

По школьным коридорам и лестницам забежали пионеры с мячами, скакалками и фотоаппаратами. Замелькали разноцветные майки и трусики, зазвенели задорные песни.

В классах на месте парт вытянулись рабочие столы. Зашуршали рубанки, застучали молотки.

Даже в дождливые дни, когда нельзя было отправляться в дальние или ближние походы, никто в лагере не скучал. Каждый мог найти себе занятие по душе.

Интересно было и просто побеседовать друг с другом или с вожатой Верой Тимофеевной о любимых книгах, о своих мечтах, о будущем... Да мало ли о чем можно поговорить!

Как-то у пионеров второго отряда зашел разговор о старших братьях и сестрах.

— У меня брат инженером на верфи работает, — там суда такие строят! — похвастался Костя Рубцов.

— А у меня сестра — милиционер, у нее, знаете, какие необыкновенные случаи бывают! — перебила его Аля Кравчук.

— А мой брат на тракториста учится, — он целинные земли будет поднимать, вот! — Валерик Щитов даже покраснел от гордости.

Так наперерыв, торопясь и волнуясь, хвастались ребята друг перед другом своими старшими братьями и сестрами.

— Что же ты, Дима, ничего не расскажешь? — обратилась вожатая Вера Тимофеевна к черноглазому мальчику. — Ведь и у тебя есть старшая сестра.

— Нечего мне про нее рассказывать. — Дима насупился и замолчал. А про себя подумал: «Что скажешь про Машу? Обыкновенная работница, и все... Не то что у других! Ей и самой-то нечего рассказать про себя: скучная у нее работа. Придет домой, пообедает, поможет маме по хозяйству и сразу за учебники».

Другой раз неохота идти Диме в булочную — начнет к Маше приставать:

— Ну, сходи ты.

А она только покачает головой и уткнется в книжку.

Попросит Дима:

— Пойдем в кино, а?

— И не проси! — ответит Маша. — Ты знаешь, что не пойду: скоро экзамен. — Зажмет уши руками и продолжает заниматься.

Зато с последнего экзамена в своей вечерней школе прибежала счастливая, скачет, кружится как маленькая.

— Ну, — говорит, — теперь куда угодно пойду с тобой! На Неву, в кино — куда хочешь!

— Спасибо! — ответил ей тогда Дима. — Теперь мне некогда. Я в городской лагерь записался, так что и без тебя не скучно.

И правда, хорошо, весело в лагере! Но самое интересное — это походы и экскурсии. Где только не побывал Дима со своими друзьями!

В Петродворце все потешные фонтаны видел, в Ломоносове по Китайскому дворцу разгуливал. Был в Зоологическом и Ботаническом — везде интересно!

— А куда мы еще пойдем с экскурсией? — спросил Дима вожатую, спросил для того, чтобы кончился этот неприятный разговор про старших братьев и сестер, чтоб перестали ребята хвастаться.

Вера Тимофеевна задумалась. Пристально посмотрела на Диму и сказала:

— Вот куда пойдём, Дима: на нашу ткацкую фабрику.

— Ну, это скучно, — нахмурился Дима.

— Откуда ты знаешь? — удивились ребята. — Разве ты там был?

— Не был, а знаю, — уклончиво ответил Дима. И, чтобы скрыть смущение, убежал в комнату игр, где его приятели сражались в шашки.

Дима надеялся — вожагая просто так сказала про фабрику. Но через несколько дней второй отряд стал собираться на экскурсию. Не хотелось ему идти на ткацкую фабрику, но все-таки пошел.

Еще в проходной встретила ребят инженер Нина Ивановна.

«Совсем молодая, вроде Маши, — удивился Дима, — а так много знает!»

Послушать ее, получается, что без текстильной промышленности прожить никому невозможно. С первой минуты, как только родится человек, заворачивают его в пеленки, потом ему нужны распашонки, потом рубашки, платья, костюмы, пальто, галстуки...

Словом, без тканей и шагу ступить нельзя. Потому и трудятся, не жалея сил, ткачи. Каждый клочок хлопка, каждую ниточку берегут, чтобы дать народу как можно больше самых лучших тканей.

Все это рассказала Нина Ивановна. А потом добавила:

— Чтобы облегчить труд рабочих, мы стараемся на фабрике все механизировать, начиная с подачи масла для смазки машин.

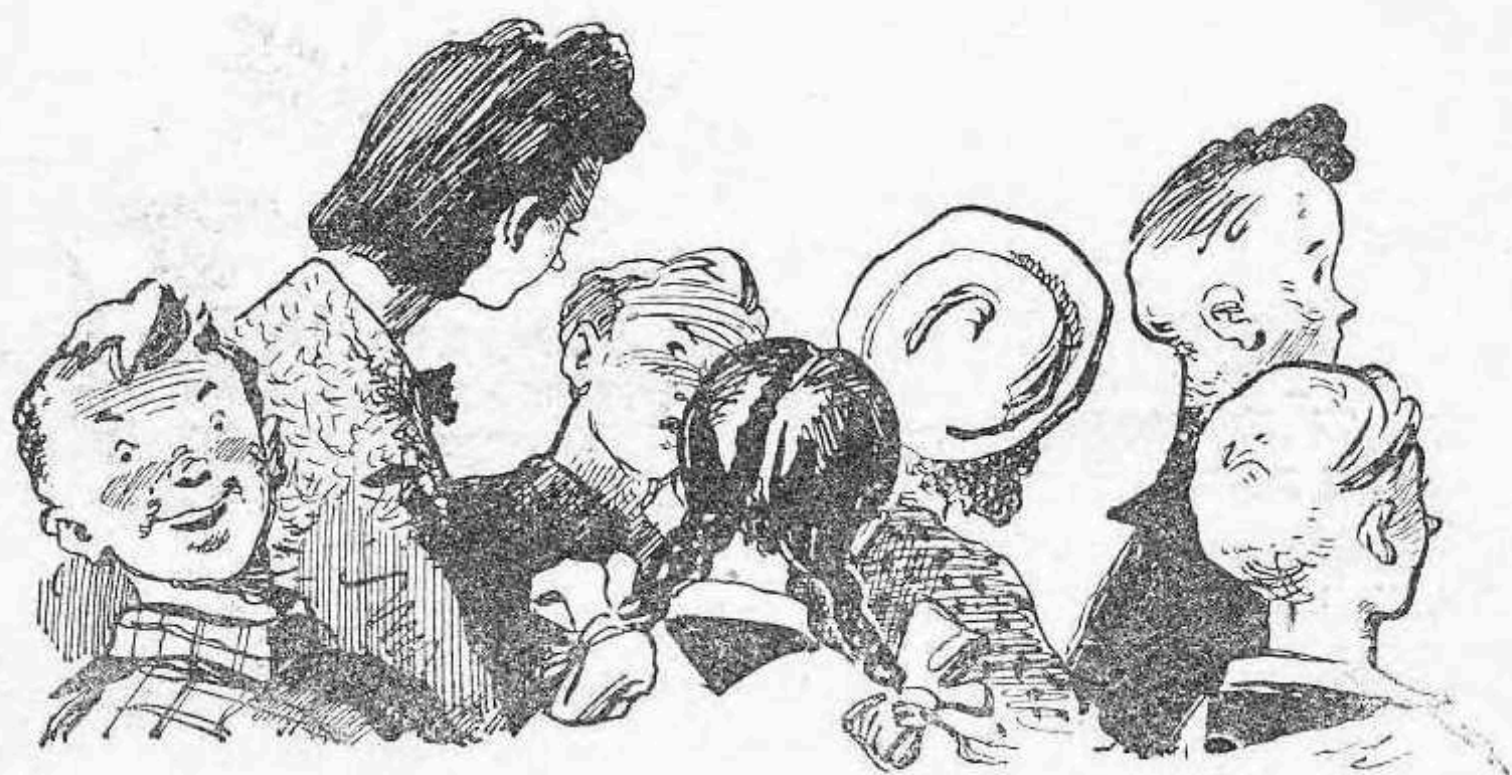
Нина Ивановна подвела ребят к какому-то аппарату, похожему на телефон-автомат. Только в отверстие аппарата она опустила не монету, а жетон, и сейчас же в подставленную жестяную масленку потекло тоненькой желтой струйкой масло.

— Это механический раздатчик, — пояснила Нина Ивановна. — Если опустить туда жетон, он отпустит триста граммов масла, и оно смажет все трущиеся части машины. А теперь посмотрите, как выглядят на-

ши машины. — И она показала рукой на огромный зал ткацкого цеха.

Ребята вошли туда и остановились, пораженные гулом и ослепительным сверканием.

«Будто молочные реки из сказки», — подумал Дима, глядя на плавно стекающие со станков блестящие волны ткани. Не отрываясь, смотрел он на эти празд-

нично сияющие, неумолкаемо гудящие машины. Бешено пляшут тонкие нити со шпулей, одни вдоль, другие поперек; ловко снуют между ними похожие на игрушечные лодочки челноки. И без конца текут и текут сотканые из нитей ткани...

А между рядами станков неторопливо, будто прогуливаясь, легко движутся ткачихи в белых косынках: они, словно дирижеры, управляют этим шумным оркестром машин.

— А почему там в конце красный флажок? — удивился Дима.

— Там работает лучшая ткачиха комсомольской бригады, — объяснила Нина Ивановна. Она назвала фамилию, но в гуле и грохоте пионеры ее не расслышали.

Из рассказа Нины Ивановны ребята узнали, что девушка, работающая на этом участке, управляется

с шестью станками и что это очень трудно, потому что на ее станках одновременно ткутся разные сорта тканей: на одном — вольта, на другом — майя, на третьем — батист...

Ребята подошли поближе, чтобы рассмотреть лучше эту девушку. Она двигалась по цеху так плавно, красиво, уверенно. То на миг останавливалась, при-

слушиваясь к стуку одного станка, то зорко оглядывала другой станок. Подойдя к нему, незаметным движением связывала оборвавшуюся нить, быстро и ловко заряжала челнок на третьем станке, на четвертом. Обходила машины с задней стороны, осторожно распутывала тонкие ниточки...

— У нее станки, будто дети у матери, — говорила Нина Ивановна, любуясь вместе с ребятами искусной работой мастерицы. — Видите, как хорошо она знает характер и капризы каждого из них!

Тут ткачиха обернулась, и Дима закричал удивленно и радостно:

— Маша! Это моя сестра, моя Маша!

Но ребята ничего не слышали: они спешили за Ниной Ивановной уже в другой цех — смотреть, как умные машины сами укладывают и измеряют метр за метром сотканые за день ткани.

— Сегодня, как и вчера, — сказал пожилой счетовод в очках, — мы дадим стране больше ста тысяч метров ткани. Это значит, — добавил он, с улыбкой глядя на маленьких слушателей, — каждый день мы одеваем пятьдесят тысяч детей таких, как вы. И это только одна наша фабрика. А сколько их еще в нашем городе, во всей стране!

Больше ребята уже ничего не смотрели: они устали.

— Давайте отдохнем, — сказала Нина Ивановна и повела их в тихую прохладную комнату комитета комсомола.

Там сидела та самая молоденькая ткачиха, над станком которой взвился красный флажок. Из-под белой ее косынки выбивались такие же, как у Димы, курчавые черные волосы.

«Моя сестра!» — хотел крикнуть Дима, но от волнения и неожиданности не мог выговорить ни слова.

Маша смущенно улыбнулась.

— Что же вам, ребятки, рассказать?

Она на минуту задумалась, потом просто стала рассказывать, только не о себе, а о подругах своей бригады.

— Только в этом году пришли из школы, а уже научились отлично работать, а кое-кто из них перевыполняет норму. Конечно, приходится помогать им, но ведь и я училась у опытных ткачих. У одной научилась быстро связывать нити, у другой — запускать челнок, у третьей — налаживать станок. Старалась экономить на каждой операции секунды. Секунды складывались в минуты, минуты — в часы. Вот и получается, что каждый день даем сверх нормы десятки метров ткани и все первым сортом, — зардевшись от смущения, закончила девушка.

— А как же вы успеваете еще отлично учиться? — спросила с места Таня.

— Строго распределяю свой день, — ответила Маша и как бы невзначай взглянула на брата.

Дима покраснел и, отвернувшись, спрятался за спины ребят. Вдруг она расскажет про него: сколько раз он отрывал ее от учения!

— Конечно, это не легко, — продолжала Маша, — иногда хочется лишний часок поспать и в неположенное время погулять, но если думаешь о главном, то всегда сумеешь с собой справиться. А главная моя мечта — еще лучше работать. Вот и учусь. Кончу школу, в текстильный институт поступлю.

По дороге в лагерь ребята только и говорили о фабрике.

— Я непременно буду ткачихой, — горячилась Аля Кравчук, — мне там все так понравилось. И особенно эта комсомолка!

— А ты говорил, скучно! — упрекнули пионеры Диму.

Дима молчал. Он думал: поверят или не поверят ему ребята и Вера Тимофеевна, что комсомолка — его сестра? Ведь он никогда о ней не рассказывал.

И тут вожатая, как будто угадав его мысли, неожиданно спросила:

— Скажи, Дима, Мария Лобова, которая с нами беседовала, твоя сестра или однофамилица?

— Это моя сестра! — радостно закричал Дима. — Честное пионерское, моя сестра!

СЛУЧАЙ С БУКЕТОМ

Старшая вожатая сказала Капе и Дусе:

— Съездите, девочки, в оранжерею и выберите красивый букет для нашего дорогого гостя. Вам это поручает совет дружины.

— Наверно, это нам потому поручили, — шепнула сияющая Капа Дусе, — что мы с тобой тоже сочиняем стихи, правда?

Подруги не могли скрыть своей радости.

Всем работникам оранжереи сразу стало известно, что сегодня в городской лагерь № 20 приедет известный писатель и что им, пионеркам Капе и Дусе, поручено преподнести ему цветы.

И, конечно, садовники особенно постарались: букет из гладиолусов и душистой гвоздики получился замечательный.

Подруги так торопились в лагерь, что, садясь в трамвай, чуть не сбили с ног пожилого гражданина в соломенной шляпе.

Извиняться, конечно, было некогда, надо было быстрее всех влететь в вагон, чтобы успеть занять освободившиеся места. Капа и Дуся удобно сидели со своим букетом, бережно обернутым в бумагу, а пожилой гражданин стоял перед ними, неловко покачиваясь при каждом толчке вагона.

— Ой, осторожно, неужели не видите — цветы! — строго прикрикнули подруги на гражданина, когда он при особенно сильном толчке качнулся в их сторону.

— Простите, — удивленно покосившись на девочек, сказал гражданин.

Не обращая на него внимания, подруги громко продолжали свой разговор.

— Букет подношу я, — сказала Капа и, заметив обиженное лицо Дуси, поспешила утешить ее: — Ты зато ему приветствие в стихах скажешь, например, так: «От всех ребят цветы мы вам вручаем...»

— «Мы очень любим вас и очень уважаем...» — подхватила Дуся и радостно рассмеялась: — Ты представь себе только, Капа, как нам будут завидовать все ребята!

Девочки громко болтали и смеялись, все невольно оглядывались на них.

Гражданин в соломенной шляпе продолжал неловко покачиваться. В правой руке у него был портфель, левой он держался за поручень вагона.

Сидевшая рядом с Капой женщина с грудным ребенком на руках, наконец, не выдержала и сердито бросила в сторону девочек:

— Ведь нет того, чтобы уступить место. Сидят, будто не видят.

— А может, и не видим. Нам, может быть, не до этого. — Капа обиженно поднялась с места.

— Садитесь, садитесь, — радушно предложила свое место гражданину Дуся, — нам все равно выходить!

— Спасибо, — несколько насмешливо поклонился тот, — мне тоже выходить. — И двинулся к площадке.

Но подруги опередили его и, опять чуть не сбив с ног, первыми выскочили из трамвая.

Тут Капа обернулась: гражданин внимательно глядел им вслед.

— Смотри, Дуська, опять эта шляпа! До чего надоел! Шляпа-растяпа!

Девочки прыснули и быстро зашагали в лагерь.

— Мы обязательно попросим у него автографы, — говорила по дороге Капа. — Это так замечательно — автограф знаменитого писателя!

— Даже мальчишки лопнут от зависти! — сияла Дуся.

Счастливые, прибежали они в лагерь.

— Смотрите, какие мы выбрали цветы!

Но тут раздались возгласы:

— Пришел! Пришел!

Капа с Дусей гордо вышли вперед и... вдруг разом вскрикнули. Букет выпал из рук Капы, она дернула Дусю, и обе опрометью бросились в кусты.

На площадку в сопровождении Ксении Владимировны, начальника лагеря, входил человек в соломенной шляпе...

Их долго искали и звали. Подруги не отзывались. Лежа в траве, они по-пластунски отползали все дальше и дальше от площадки, где началась встреча ребят с любимым писателем. И только копошащиеся в траве жучки да кузнечики слышали, наверно, как всхлипывали девочки и как одна из них жалобно шептала:

— Все пропало! И главное — автографы!..

БАБУШКИНА ОБИДА

Жора положил перед бабушкой ярко разрисованный билет и сказал торжественно:

— Приглашение на школьный вечер. Нам велели прийти сегодня с родителями. А как я приду с родителями, если они у меня в отъезде? Придется идти с тобой.

Бабушка Дарья Дмитриевна осторожно кончиком шершавого пальца дотронулась до гладкой поверхности билета, и мелкие морщинки на ее лице осветились доброй улыбкой.

— Ну, вот спасибо, внучек! Давно мечтала я поглядеть, как вы там в школе веселитесь...

— Только не забудь, — перебил ее Жора, — что я сегодня играю главную роль и что все на мне со сцены должно блеснуть и сверкать! На костюме не должно быть ни одной складочки, будто новенький, только что из магазина. А галстук должен сиять, как заря. Понятно?

— Да уж понятно... — Дарья Дмитриевна вздохнула и заторопилась из комнаты.

— Ну-с, — сказал Жора, — свободного времени до вечера еще уйма. Займусь-ка я репетицией перед зеркалом. Вот я выбегаю на сцену, улыбаюсь...

То и дело, отрываясь от упражнений в жестах и интонациях голоса перед зеркалом, Жора кричал бабушке в соседнюю комнату:

— Пуговицу к куртке пришила? Нет еще? И воротничок не накрахмалила?

Всегда, когда бабушку торопили, она начинала волноваться, становилась рассеянной, все валялось у нее из рук.

— Да не подгоняй ты меня, Жоренька! — молила бабушка. — Я уже второй раз себе руку утюгом обожгла.

— А костюм не спалила? — забеспокоился Жора. — Ты, смотри, осторожнее! Главное, чтобы карманы были как следует отутюжены и чтобы брюки не топорщились. Да не копайся ты, бабушка, опоздаю я из-за тебя!

— Не опоздаешь, небось все ко времени сделаю...

Дарья Дмитриевна так заработалась с Жориным костюмом, что о себе уже подумать не пришлось. Так и пошла она на вечер в своем домашнем сереньком платье. Только на плечи успела накинуть новую пеструю шаль, которую ей прислали из экспедиции Жорины родители — геологи.

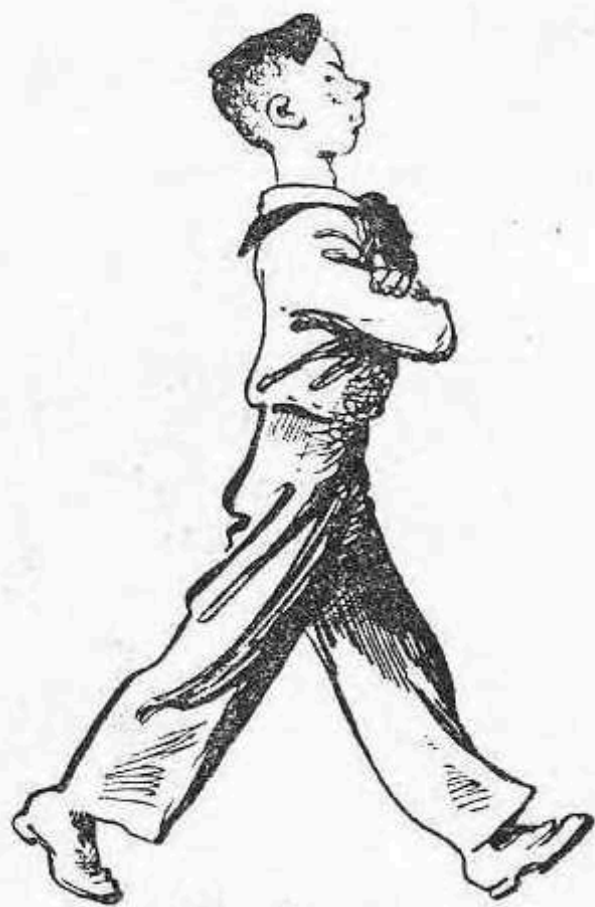
Бабушка спешила за Жорой в школу, семена мелкими шажками. А у Жоры шаги были широкие и стремительные. Только у самого входа он остановился, нетерпеливо ожидая отставшую в пути бабушку, чтобы вместе с ней войти в школу.

— Ну, я побежал на сцену! — крикнул внук, даже не проводив бабушку до дверей зала. — Тебе туда, направо!

— И до чего же здесь светло и красиво! Будто в театре...

Дарья Дмитриевна стояла на пороге, щурясь от яркого света, выбирая уголок, куда бы она могла примоститься.

Но пионеры заметили ее и сразу с почетом повели на самое лучшее место, рядом с учителем Андреем Петровичем.

— Молодец Жора, правильно поступил, что привел вас сегодня! — сказал учитель, знакомясь с бабушкой.

Наконец в зале погасили свет, и представление началось.

В пьесе, которую сочинил для своих учеников Андрей Петрович, действовали примерные мальчики и девочки, которые отлично вели себя в школе и дома. «Артисты» чувствовали себя в этих ролях несколько непривычно. Но еще более непривычно было смотреть на них товарищам, сидящим в зале. Особенно неузнаваем был Жора в главной роли — самого примерного мальчика. Каждый раз, когда он появлялся на сцене, пионеры шептали бабушке:

— Ваш!

— Я и сама вижу, что мой, по костюму вижу... А по голосу, нет, не похож... Нет, не он это...

Еще больше разволновалась бабушка, когда на сцене появилась какая-то старуха. Играла ее Кира Семечкина, самая высокая девочка в Жорином шестом классе. Хотя Кира ходила сгорбившись и старалась говорить по-старушечьи, весь зал покатывался со смеху:

— Ой, и пискля же эта старушенция! А походка-то, вот умора!

Только Дарья Дмитриевна не смеялась. Не дыша, она во все глаза следила за тем, как радостно бросился навстречу Жора, как нежно обнял он эту чудаковатую длинноногую старуху.

— Смотри-ка, в кресло ее усадил, подушку ей под бок подложил... И слова-то какие говорит хорошие... Я от него таких сроду не слыхала...

А в тишине зала со сцены доносился мягкий Жорин голос:

— Бабуся милая, а ты не

озябла? Сейчас я тебя кофеем напою горячим. И книжку тебе почитаю... хорошую...

С этой минуты бабушка уже ничего больше не видела и не слышала. Она не понимала, что происходит на сцене, для чего движутся люди и о чем они говорят. Она не заметила даже, как опустился занавес, как вдруг громко зашумели в зале, захлопали в ладоши, засмеялись, как подошел внук...

— Ну как, довольна? — спросил Жора бабушку и осекся: бабушка плакала.

ВАЛЬС ШОПЕНА

Эту новенькую заметили сразу. Она вошла в класс с гордо поднятой головой. В руках у нее была черная блестящая папка, на которой золотыми буквами сверкало слово: «Musik».

Новенькую звали Нина Орлова. Анна Георгиевна посадила ее рядом с Зоей, старостой класса.

После звонка новенькая подошла к учительнице.

— Я хочу попросить, — сказала она, — чтобы меня отпустили с последнего урока. У меня в два часа урок музыки.

Анна Георгиевна удивленно посмотрела на девочку.

— У нас музыкой занимаются многие, но с уроков уходить никому не разрешается.

Нина пожала плечами и, поджав губы, отошла к окну. Так и простояла она всю перемену у окна в зале, прищуренным взглядом осматривая проходящих мимо нее ребят. Никому не хотелось подходить к ней.

— Знаменитость! Важничает, — шептались ребята.

А у Зои было хлопот по горло: надо найти вожатую, поговорить с ней об экскурсии на завод... Надо к следующему уроку взять из кабинета карты. Зою тербили все ребята: каждому нужно что-то узнать, рассказать...

В углу пионерской комнаты стояло старенькое пианино. Его бока и крышка были поцарапаны, у клавишей отбились кончики. Но пианино недавно настраили, и звук у него был мягкий и приятный.

Зоя часто оставалась здесь после уроков, когда все уходили и школа затихала. Здесь разучивала она вещи, которые ей задавали в музыкальном кружке Дома пионеров. С Зоей почти всегда оставалась Клава — самая маленькая девочка в классе. Клава очень любила музыку. Она, не двигаясь, сидела все время, пока подруга занималась.

Однажды Зоя показала ей ноты, объяснила, как они называются. Девочка оказалась удивительно способной и нотную азбуку усвоила очень быстро. Зоя стала с ней понемногу заниматься, разучивая по нотам легкие пьески. Одна вещь попалась посложнее — Клавье никак не давался счет.

Зоя попросила Нину зайти в пионерскую комнату помочь.

Нина наотрез отказалась:

— Я привыкла играть только на хорошем рояле. И потом мне некогда.

Уговаривать гордячку Зоя не стала, сама села за пианино и терпеливо стала разбирать с Клавой трудную пьесу.

Как только кончались уроки, Нина сразу уходила домой.

Ее не интересовали общие дела ребят: занятия в кружках, сборы, походы. Даже в тот день, когда весь класс шумно и радостно готовился к экскурсии на завод, Нина незаметно проскользнула в раздевалку.

— Нина, куда ты? — Зоя с Клавой и звеньевой Коля Муратов побежали за ней. — Неужели не идешь с нами?

Осторожно, чтобы не помять пышного банта в волосах, Нина натянула на голову вязаную шапочку.

— Вы все забываете, что я пианистка. Я играю не какие-нибудь пустяки, — насмешливо кинула она в сторону Клавы. — Ну, зачем мне идти на завод? Лучше лишний час посидеть за роялем.

И, важно размахивая своей блестящей папкой, Нина пошла к выходу.

Коля с негодованием посмотрел ей вслед.

— И чего она задается своей музыкой! Исключить ее из пионеров — и дело с концом!

— Не говори глупостей, — нахмурилась Зоя.

Ей стало очень грустно и обидно: столько она хлопотала, так старалась, чтоб все пошло...

Сама Зоя на калошном заводе, где работает ее мама, была не раз. И всегда ей было так интересно смотреть на длинный-длинный конвейер, по которому плавно и ритмично проплывали маленькие колодки. Она любила наблюдать, как постепенно, ловко и быстро обряжают работницы голую колодку. Одна натянет на нее светлую подкладку, вторая наложит резиновый передок, третья — задник, четвертая приладит подошву. И плывут одна за другой колодки, переходя из рук в руки, пока не превратятся в маленькие, сверкающие лаком, украшенные бархатными отворотами теплые детские ботики. Зоя знала почти всех работниц на конвейере маминого цеха — от молоденькой ученицы Маруси до старой знатной обтяжчицы Агафьи Александровны.

Много о жизни этих женщин рассказала ей мама — бригадир цеха. Недавно работницы выбрали ее депутатом в Совет. Девочка гордилась своей матерью,

она хотела, чтобы все ребята увидели, как работает ее мама.

Зоя обиженно вздохнула.

— И почему это Нина ничем, кроме себя, не интересуется?

* * *

На этот сбор Нина пришла с удовольствием: вожатая обещала пригласить известного композитора.

В пионерской комнате развесили флажки. Принесли из столовой скамейки и расставили, как в кино. Пианино с открытой крышкой выдвинули на середину. Сразу стало торжественно.

Все ожидали, что композитор высокий, важный и строгий. А оказался он простым, живым и веселым человеком. Он пошутил с ребятами, потом сел за пианино и стал играть свои песни. Эти песни знали все ребята. Они запели, и гость пел вместе с ними.

— Ну, поете вы недурно, — сказал он, — а вот нет ли среди вас юных композиторов?

— Композиторов нет, — закричали ребята, — а пианисты есть.

Нина ожидала, что сейчас назовут ее имя. Она покраснела, а зеленый бант на ее голове поднялся еще выше.

Но вожатая вывела на середину Клаву:

— Это самая молодая наша пианистка, она учится всего три месяца.

Клава играла медленно, неуверенно, но трели под ее пальцами получались чистыми и прозрачными, как стеклышки.

— Ну что ж, — улыбнулся композитор, — для трех месяцев это совсем не плохо! А кто же тебя учил?

И тут вывели Зою. Как всегда в минуты волнения, Зоя побледнела. Сосредоточенная и строгая, села она и, слегка наклонив голову, стала играть. С первых же звуков Нина вся подалась вперед. Зоя играла вальс Шопена, самый любимый ее вальс, играть который она только мечтала.

Два голоса попеременно пели в вальсе: один — глубокий, вдумчивый — как будто убеждал и уговаривал, а другой — непокорный — отвечал насмешливо, переливчато - звонким смехом. Будто спорили два человека, и разговор их был очень волнующим, очень важным...

«Как она хорошо играет!» — думала Нина, прижимая руки к горячим щекам.

Зоя уже давно кончила играть, а Нина все еще сидела, охваченная каким-то необыкновенным волнением.

Она очнулась от громкого стука, это хлопали в ладоши ребята, и вместе с ними хлопал и гость. Он поднялся с места и растроганно обнял девочку.

— Нина Орлова лучше играет, — застеснявшись, сказала Зоя. — Она у нас главная пианистка, вот увидите!

— Нина Орлова! Нина Орлова! — подхватили ребята.

Все посмотрели на Нину, и никто не узнал ее. Рядом с гостем стояла робкая, смущенная девочка. Даже пышный зеленый бант на ее голове будто увял.

Опустив руки, она тихо говорила:

— Нет, я так не умею играть...

— Ну, не обязательно так, — засмеялся композитор. — Играй, девочка, как умеешь.

— Я не могу ничего сыграть, — еще тише сказала Нина, — я учу большую сонату, но она у меня еще не готова. А другие вещи я не повторяла... все была...

— Только задается, а сама ничего не умеет! — крикнул с места Коля Муратов.

Но было что-то такое жалкое во всем виде Нины, что заставило ребят сердито одернуть Колю...

А вожатая наклонилась к композитору и тихо сказала:

— Спасибо, что пришли... Вы нам помогли поговорить по душам.

ЧЕМПИОН ПО КНИГАМ

Мы сидели на вокзале маленькой дачной станции, куда загнал нас начавшийся ни с того ни с сего затяжной, нудный дождь. У каждого из нас в руке было лукошко с земляникой, которую хотелось принести в лагерь сухой и невредимой: пусть все ребята посмотрят и позавидуют — найти такое ягодное место под стать только нашему звену!

— Эх, жалко, книжки с собой не взяли! — вздохнула Зина. — Еще когда дождь кончится, а тут торчи без дела...

— Зачем тебе книжка, когда с нами Миша Пустодеев? — спросил я. — У него вся голова набита книгами, он их, наверно, больше тысячи прочитал! О какой не услышит, сразу: «А! Эту я знаю, давно прочитал!» Ты у нас прямо чемпион по книгам, правда? — подмигнул я Мише.

— Да, довелось мне почитать на своем веку... — скромно вздохнул Миша.

— Ты, наверно, столько интересных историй знаешь! — подъезжал я к Мише. — Расскажи нам что-нибудь смешное!

Миша важно наморщил лоб, мы все подвинулись к нему поближе.

— Недавно, — начал Миша задумчиво, — хотя нет, уже очень давно, я прочитал пресмешную книжечку, она так и называется: «Веселая семейка». Ну, и нахохотался же я! Это про то, как два мальчика решили

бросить школу и поступить в цирк. Ну и вот, начали они дрессировать свою собаку — умора! Мама с утра уйдет на работу, оставит сахар, а они этим сахаром своего Артемона кормят. Артемон — это их собака...

Я уже давно заметил, что Зина толкает меня в бок, а Люся делает какие-то странные гримасы. Но мне было не до них: я с изумлением слушал Мишу.

— Подожди, подожди, ты, кажется, путаешь что-то. По-моему, ты рассказывал про Витю Малеева.

— Ясно, про Витю Малеева, — не выдержала Зина, — только этот Витя вовсе не собирался поступать в цирк, это Шишкин решил...

— И потом, — перебила Зину Люся, — собаку звали Лобзик! Артемон вовсе не шишкинская собака, а пудель куклы Мальвины из книги «Золотой Ключик или приключения Буратино».

— Да, да, ты все перепутал, — с огорчением сказал я.

— Ничего не перепутал! Это вы все перепутали, — нахмурился Миша.

— Нет, мы говорим правильно, я все хорошо помню, — горячилась Зина. — «Веселая семейка» совсем не про это, а про то, как ребята выводили цыплят в самодельном инкубаторе.

— Ну, знаете... — Миша замолчал и отвернулся.

Я подумал, что зря мы обидели товарища. Ну, ошибся разок, столько прочитал человек — неудивительно! И я сказал:

— Брось, Мишка, дуться! Расскажи что-нибудь другое, про войну, про героев...

— Ой, про героев! — обрадовалась Зина. — Я тоже очень люблю!

Миша долго молчал.

— Так и быть, — заговорил он наконец, — только не прерывайте меня, пожалуйста, это сбивает.

Миша опять повернулся к нам.

— Вот я вам расскажу про героиню Гулю Королеву, как она на войне храбро брала высоту номер четыре.

— Почему номер четыре? — удивились мы.

— Разве вы не знаете? — усмехнулся Миша. —

На войне всегда берут какую-нибудь высоту, и у этой высоты есть номер — это всем известно. У той высоты, которую брала Гуля, был четвертый номер — вот и все. Потому и книга так называется.

— Неправда, — закричали мы все разом, — вовсе не потому!

— И вообще, — вздохнул я, — ты читаешь, а ничего не понимаешь.

— Это я-то не понимаю!

— Не понимаешь, не понимаешь, — твердил я, — все путаешь.

— И пусть! Не ваше дело! Я зато всего Гайдара прочитал!

— Всего Гайдара! — Я недоверчиво покачал головой. — Сочиняешь...

— Ну, если всего Гайдара, — усмехнулась Зина, — скажи тогда, что такое РВС?

— РВС, — злорадно повторила Люся.

— Думаете, не знаю? РВС — это район Восточной Сибири, куда Чук и Гек поехали с мамой. Их папа так адрес свой в телеграмме написал, в телеграмме всегда сокращенно пишут...

Мы возмущенно вскочили с мест.

— Бессовестный!.. — Зина чуть не плакала. — Гайдара и то путаешь!

— Теперь я вижу, как ты читаешь, — горько усмехнулся я, — в одной книге конец посмотрел, в другой начало... Липовый ты читатель, книгоглотатель, вот ты кто!

Я так разозлился, что прямо даже кулаки сжал.

Миша покосился на меня и красный как свекла выскочил на перрон.

— Подумаешь, разошлись!.. — смущенно крикнул он, обернувшись к нам. — Я зато всю «Анну Каренину» Михалкова прочитал — вот! — И он помчался в лагерь под проливным дождем, даже не вспомнив про свое лукошко с земляникой.

ОТЛИЧИЛСЯ

— Славик, вставай, вставай, Славик! Опоздаешь в школу, — будила мать своего сына.

Слава, коренастый парнишка с лихим чубом и упрямо сжатым ртом, промычал что-то и перевернулся на другой бок.

— Сейчас же вставай! Слышишь? — уже совсем строго повторила мать.

— Ну встану, встану! — простонал Слава, сердито поднимаясь.

Мать заторопилась на работу, но, уходя, еще раз обернулась:

— Смотри, не пойдешь в школу — будет тебе!

Щелкнул замок входной двери. Мать ушла, а Слава лег и снова заснул. Спал он, однако, недолго. Проснувшись, долго лежал в постели, протирая сонные глаза и зевая. Потом, что-то вспомнив, внезапно вскочил.

— Сегодня, пожалуй, стоит пойти в школу! — И он забубнил себе под нос: — Отбросивши сказки о чуде, отняв у богов небеса...

Здорово получилось, что Мария Даниловна задала стихотворение, которое ему и учить не надо: он помнил его наизусть еще с прошлого года, когда учился в том же пятом классе, только в другой школе.

Никому это, конечно, на ум не придет, все поверят, что он за один только вечер выучил целое стихотворение, с начала до конца. И Мария Даниловна, хочет не хочет, а должна будет ему поставить пятерку!

Пусть все увидят, что и он может учиться не хуже этой отличницы Ольки!

Если правду сказать, отличница Оля нравилась Славе больше всех в классе. Она была, кажется, единственной девочкой в школе, которую он ни разу не обидел, не толкнул, не ударил. Это потому, что Оля не похожа на всех этих девчо-

нок с косичками и ленточками, за которые так и хочется подергать!

Нет, Оля совсем другая... Тоненькая, курчавая, глаза большущие... А главное — не пискля и не ябеда. Хоть и девчонка, а лучше любого мальчишки!

Когда Слава Мушкин проходил по заснеженному двору, все малыши испуганно шарахались в стороны. Они знали: этот большой сильный мальчишка может ни за что ни про что стукнуть любого из них, бросить в снег, обидеть...

Но Мушкину сегодня было не до этой мелюзги.

Небрежно повалив ногой вылепленного малышами Снегура, он пошел дальше, размышляя про себя: «В такую погоду хорошо бы с утра на коньках». Если бы не стихотворение, он, конечно, вместо школы пошел бы на каток.

Слава вздохнул, вспомнив свой класс. Надоели ему все! Усмехнулся, подумав о Федьке Леонтьеве, которого прозвали Буратино. У него и нос-то не длинный,

можно сказать, даже курносый он, а все равно похож! Маленький, щупленький, плоский какой-то, челочка желтая, гладкая, будто ко лбу приросла, голос писклявый, и весь Федька, как заводной, ни минуты не постоит, все вертится, кривляется, смеется... Ему что ни скажи, все сделает, так и смотрит тебе в рот. А только неинтересно с ним дружить.

Вот с Олей он, пожалуй, подружился бы. Может быть, и на каток не постыдился бы с ней пойти, хоть она и девчонка — уж очень здорово на коньках катается, красиво, прямо как в балете... Ну что же, сегодня, когда он отличится перед всем классом, все по-другому пойдет, она, может, и сама захочет с ним подружиться... Ну, а он, однако, еще посмотрит...

Слава быстрее зашагал к школе. Рассчитал он правильно — пришел как раз к третьему уроку, уроку литературы, в ту самую минуту, когда Мария Даниловна открывала дверь в класс. Незаметно прошмыгнув мимо нее, он направился к своей парте.

Буратино так и просиял, завидев приятеля. Он с готовностью подвинулся, освобождая ему место, и тут же начал что-то шептать. Но Слава только досадливо отмахнулся. Он неотрывно смотрел в лицо учительнице, словно гипнотизировал ее. И это подействовало. Мария Даниловна вызвала его первым.

Он подошел к доске уверенно, твердыми шагами. В классе стало очень тихо — все, раскрыв рты, смотрели на Мушкина. Оля даже привстала чуть-чуть с парты. И Слава, читая стихотворение, смотрел прямо на нее: ему было приятно видеть удивление и радость в ее больших глазах. Он знал стихотворение наизубок и хотя читал его без особого выражения (не очень-то Слава любил стихи), голос его звучал так громко, будто читал он не в классе, а в большом зале.

— Америка снова открыта... — не переводя дыхания, продолжал Слава.

— Достаточно, — остановила его вдруг Мария Даниловна.

— Как это достаточно! — закричал Слава. — Я знаю все до конца, я вчера все выучил!

— Вижу, — сдержанно заметила учительница. —

А теперь ответь, пожалуйста, как ты думаешь, что хотел сказать поэт словами: «По полюсу гордо шагает советский простой человек»?

Слава пожал плечами.

— Ну, подумай, ты ведь знаешь. — Мария Даниловна придвинула к себе журнал.

Слава посмотрел на класс — все тянули руки вверх. И Оля тоже подняла руку.

«Обрадовались!» — сердито подумал Слава. Он был зол на учительницу и на ребят и нарочно упрямо молчал.

На свое место он шел уже вконец разгневанный: она поставила ему тройку. Стоило из-за троечки стараться! Лучше не пошел бы в школу! Не слушая ответов ребят, он упорно твердил громким шепотом, нарочно так, чтобы учительница слышала:

— Раз задано стихотворение, значит и надо спрашивать стихотворение. А то пристают со всякими вопросами...

— Не мешай нам, Мушкин, — строго остановила его Мария Даниловна.

А Слава назло ей вертелся, шумел, толкал Буратино, гримасничал — все делал в отместку за то, что она ему помешала отличиться, а ведь какой был случай!

Слава уже не знал, что и выкинуть еще! Под конец снял со своей рубашки ремень и связал им под партой Федькины ноги.

Буратино задержался, захныкал.

— Что у вас там происходит? — Учительница нахмурилась. — Встань, Леонтьев!

Но как встанешь, если ноги связаны?

В классе раздались смешки. Мария Даниловна подошла к парте, сняла с Буратино ремень и велела Славе выйти из класса. Тот чуть слышно присвистнул.

Лицо молодой учительницы покрылось красными пятнами. Видно было, как она сдерживает себя, как волнуется при мысли: а что, если не выйдет? От него всего можно ждать.

И она еще раз, напрягая всю свою волю, четко повторила:

— Сейчас же выйди из класса!

Мушкин еще повозился, поломался и, встретив тревожное молчание ребят, пошел из класса. Выходя, он успел заметить, что Оля сидит, низко опустив голову, наверно ей стыдно за него. А ему теперь было на все наплевать. Он так разошелся, что уже не мог и не хотел остановиться: выйдя из класса, он не отходил от двери, то приоткрывал ее, то с силой закрывал.

Кто-то подошел и плотно прикрыл дверь. Тогда Слава стал колотить в нее ногами.

Даже звонок не заставил его отойти, он будто прилип к месту.

«Сейчас начнется лекция», — криво усмехнулся Слава, завидев учительницу, выходящую из класса.

Но, даже не взглянув на него, она бросила мимоходом:

— За ремнем зайдешь к директору.

— Нужен он мне! — проворчал Слава, с беспокойством следя за ребятами, которые почему-то не разбегались на перемену, а стояли вокруг него молча, плотной стеной.

Слава подмигнул Буратино: вот он сейчас посмеется над его выходками!

Но тот и не думал смеяться. Подойдя близко к Славе, Федька спросил хмурясь:

— Ты зачем так колотил в дверь? Ненормальный, что ли?

— Ух, ты! Как разговариваешь со мной! — Слава толкнул Буратино кулаком. — Это ты ненормальный! Чучело гороховое, вот ты кто!

— А ты... ты... — задохнувшись, крикнула Оля. — Ты даже хуже Квакина!..

Мушкин вздрогнул. Он даже не успел сообразить, что значит «хуже Квакина». Ему и в голову не пришло, что Квакин—это «герой» повести Гайдара «Тимур и его команда». Он думал, что Оля дразнит его лягушкой, и, сузив глаза, поднял на нее руку. И тут кто-то так резко и больно дернул за плечо, что, пошатнувшись, он охнул.

Перед Славой стоял высокий, смуглый юноша в красном галстуке. Это был новый отрядный вожатый, которого Слава еще не знал.

— Смотри-ка, — возмущенно говорил вожатый, крепко сжимая Славино плечо. — Смотри, как распоясался! — Вожатый строго оглядел ребят. — А вы что, боитесь его? Да он трус, посмотрите на него! — юноша громко рассмеялся.

Все посмотрели на Мушкина и разом расхохотались.

В широкой рубашке, без ремня, с взлохмаченным «модным» чубом, исподлобья глядя на незнакомого сильного юношу, он рукавом размазывал по грязному лицу злые слезы.

Вокруг пятиклассников собралась толпа ребят из разных классов. Все с изумлением смотрели на жалкую фигуру грозы малышей Славы Мушкина.

— Пойди умойся и приведи себя в порядок, — тихо сказал вожатый Славе. — Неудобно ведь перед народом!

— Черти вы все! — крикнул Слава и убежал в уборную. Он бежал, глотая слезы и затыкая уши, чтобы не слышать смеха и особенно Олиного.

Ему казалось, что она смеется громче всех.

Но это было не так. Оля вовсе не смеялась. Ей было очень стыдно и обидно за товарища.

ЧУЖОЙ ФОНАРИК

Володя с разбегу открыл дверь в комнату и вдруг увидел: за столом, рядом с мамой, милиционер. Испуганно отшатнувшись, он хотел было удрать, но его уже увидели.

— Вот и Володя наконец, — сказала мама.

Сказала так, будто даже обрадовалась. А милиционер сразу вскочил и взял Володю за руку:

— Давай, брат, скорее, а то заждался я!

— Что я такого сделал? — закричал мальчик. — Никуда не пойду!

— Не дури, — сказала мама спокойно, словно ничего не случилось, — давно было пора тебе самому сходить.

Милиционер повел Володю по лестнице вниз, а тот отбивался от него руками и ногами. Милиционер остановился. Лицо у него было совсем молодое, безусое и краснощекое. Он оглядел Володю и засмеялся:

— Ишь, как оробел! Да я что, пугало, что ли? Или Лидия Петровна пугало? Велено мне доставить тебя к инспектору Лидии Петровне, значит и иди спокойно.

Но мальчик начал еще больше кричать и вырывать руку. Тогда милиционер отпустил его и сказал с усмешечкой:

— Я думал, ты атаман какой, что с тобой никому ни дома, ни в школе не справиться, а ты, выходит, трусишка самый обыкновенный!

Трусишка! Ну, уж нет! Володя плотно сжал губы и, больше не говоря ни слова, сердито пошел по улице рядом с милиционером. Пусть думают, что он просто так идет по улице с ним. Разве не могло бы быть, что милиционер — его старший брат или какой-нибудь другой родственник?

Но когда подошли к подъезду, на двери которого висела дощечка с надписью «Детская комната милиции», Володя опять начал отчаянно вырываться. А милиционер уже открыл дверь и пропустил его вперед.

— Что я такого... — Но тут Володя сразу замолчал, увидев за письменным столом женщину в синем кителе с погонами.

«Наверно, это и есть инспектор Лидия Петровна», — подумал Володя, со страхом глядя на нее.

Женщина подняла на него слегка раскосые, усталые глаза, оглядела медленно с ног до головы и спросила:

— Что же ты, Володя, сам не пришел? Обязательно приводить тебя нужно?

Он снова принялся за свое:

— А что я такого сделал?

— Сядь, успокойся, — тихо сказала Лидия Петровна и показала на круглый стол, покрытый скатертью. Володя присел на кончик стула, робко оглядываясь.

На стене яркие плакаты, на столе книжки с картинками, газета «Пионерская правда», кубики, детское лото... Володя не верил своим глазам: игрушки и книжки с картинками в милиции!

Он придвинул к себе толстую книгу, открыл ее и, сделав вид, что внимательно читает, исподлобья следил за инспектором: что-то она делает с ним?

А Лидия Петровна, казалось, со-

всем забыла о мальчике. Низко склонившись над столом, она что-то сосредоточенно писала в толстой тетради.

Открылась дверь, и тот же милиционер привел нового «героя», испуганного белобрысого мальчугана. Тот сначала отчаянно кричал, потом притих и, только жалобно всхлипывая, бубнил: «Я больше не буду, я больше не буду...»

Володе было стыдно смотреть на него, и он притворился, что углублен в чтение. Пусть этот мальчишка не воображает, что он, Володя, одного поля ягода с ним. Смешно смотреть, как он дрожит. Вероятно, боится, что за езду на «колбасе» ему попадет от отца, которого вызывает сейчас по телефону инспектор.

Хорошо, что мальчишка, о котором идет речь, сидел в ожидании отца в другом конце комнаты, углубившись в свои мысли, а то бы он, пожалуй, догадался, что не очень-то спокойно на душе и у мальчика за круглым столом, если книга, которую тот как будто бы так прилежно читает, лежит перед ним вверх ногами.

Опять открылась дверь, и в комнату вошла высокая женщина в клетчатом платке. Быстро подойдя к столу инспектора, она проговорила сквозь слезы:

— Спасите моего сына!

Лидия Петровна усадила ее против себя и мягко сказала:

— Успокойтесь, гражданка. Успокойтесь и расскажите все подробно.

И женщина, рыдая, стала рассказывать. Сын у нее, шестиклассник, совсем отбился от рук, перестал ходить в школу. Не слушает, грубит, не помогает ей ни в чем. А теперь и совсем домой не является... Связался с какими-то парнями, может, воры они, кто их знает.

— Уж лучше бы его в колонию отправили.

— Надо будет, и в колонию отправим, — строго сказала Лидия Петровна, записывая что-то в свою тетрадь.

Володя напряженно вслушивался, не в силах отвести лица от женщины. От каждого ее слова, долетавшего до него, он вздрагивал, как от удара.

— Все силы на него положила, всю жизнь ему отдала... — слышал Володя, и ему казалось, что это говорит его мать.

Наконец женщина, немного успокоившись, ушла. За это время, пока она сидела, любитель езды на подножке успел уснуть, прикорнув на диване.

Лидия Петровна подошла к Володе, слегка пригласила его рыжеватый востроухий чубик.

— Читать любишь — это хорошо...

Тут только Володя увидел, что держит книгу вверх ногами. Он покраснел и насупился. Но Лидия Петровна, как будто ничего не заметив, продолжала задумчиво разглядывать мальчика.

— Смотрю на тебя и никак не могу поверить, что и ты так же мучаешь свою мать!

— Я ее мучаю! — закричал он. — Это она меня мучает! Все ворчит, все прорабатывает...

Теперь ему стало ясно, что это мама на него на-ябедничала. Он представил себе, как она сидела здесь за столом Лидии Петровны и при всех жаловалась на него, может быть, даже плакала, как та женщина! И как это она могла сделать! Как только могла!

У Володи пересохло в горле от волнения. Губы его дрожали. Теперь после этого он не может идти домой! Нет, он не пойдет домой. Пойдет к Сергею. Только бы найти его поскорее. Как хорошо, что у него завелся новый друг, Сергей, такой взрослый, самостоятельный, сильный друг! Володя совсем недавно познакомился с ним в кино: так вышло, что места их были рядом. Потом они вместе пошли домой. С тех пор и подружались. Правда, Володя домой к Сергею не ходит, но стоит только Сергею свистнуть под окном во дворе, как Володя сразу бросает все свои дела и бежит к нему. И вот они гуляют вместе, ходят в кино, на каток... А иногда встречаются на заднем дворе соседнего дома, в пустом подвале. Сергей живет недалеко от этого места, только ходить к нему неудобно, он живет с бабушкой, а она больная, нервная...

Никто не знает про их дружбу ни в школе, ни дома. И пусть мама его сколько угодно расспрашивает

и даже бьет, все равно Володя будет молчать. И инспектору про Сергея ни за что не расскажет!

Так думал Володя в то время, когда Лидию Петровну опять отвлекли какие-то новые посетители: пришел отец того мальчишки, которого сняли с подножки. А Володе было уже нисколько не интересно, зачем приходят, из-за чего волнуются эти люди. Он был слишком занят своими мыслями.

Голос Лидии Петровны заставил его вздрогнуть. Комната уже опять опустела, и Лидия Петровна, перелистывая папку с бумагами, говорила Володе:

— А теперь, Володя, сядь, поговорим с тобой начистоту. Ты на какие деньги приобрел фонарик у своего приятеля?

Володя покраснел и насупился: какое ей до этого дело!

— На какие же? — строго повторила Лидия Петровна.

— Ну, на деньги, которые мне мама оставляла на школьные завтраки.

— На школьные завтраки... — Лидия Петровна посмотрела на Володю в упор, и мальчик понял, что она уже все знает: и про Сергея и про то, что он, Володя, в школу не ходит.

— Так вот, — строго сказала Лидия Петровна. — Придется тебе этот фонарик вернуть владельцу. Твой приятель продал тебе чужую вещь, он ее украл.

— Украл! Не может быть, не может этого быть! — побледнел Володя. — Это подарок его отца. Его отец на фронте погиб, он был герой...

Лидия Петровна покачала головой:

— К сожалению, все это не так, совсем не так. — И она прибавила со вздохом: — Видишь, дружишь с человеком, а не знаешь, кто он.

Лидия Петровна помолчала. Потом опять подняла глаза на мальчика:

— А скажи, что было между вами у кинотеатра в воскресенье?

— А что было? Ничего не было...

— Ты правду скажи, — строго сказала Лидия Петровна.

— Ну, он хотел, чтобы я продал свой билет, который мне мама купила, за двойную цену. Вот и все.

— Ну, и ты, конечно, продал и деньги отдал ему? — спросила Лидия Петровна.

— Ему очень нужны были деньги, — тихо сказал Володя.

— Очень нужны... — вздохнула Лидия Петровна. — Ну, а если бы он велел тебе залезть в чужой карман, ты бы тоже залез? Нет, говоришь? А по-моему, залез бы. Ведь у тебя уже своей воли нет...

Володя молчал, подавленный, а Лидия Петровна, сурово глядя на него, говорила:

— И на такого негодного человека ты променял школу, товарищей. Даже мать свою готов был поменять, мать, которая отдает тебе всю жизнь, дороже и роднее которой нет никого на свете.

— Неправда! — Володя взволнованно вскочил. В глазах его стояли слезы. — Я знаю, все это мама выдумала, вы с ней, наверно, сговорились меня в колонию отправить, а я все равно оттуда сбегу.

Он вскочил с места, рванул дверь и выбежал на улицу.

Стоял сильный мороз, но Володе было жарко. Он даже не заметил, что пальто его расстегнуто, а шапку он держит в руке. Лицо его горело, сердце билось со страшной силой.

Неужели друг его нечестный человек, неужели он его обманывал? Сейчас же надо найти его, все-все выяснить!..

Добежав до знакомого дома, Володя замедлил шаг и, как всегда, стал осторожно пробираться на задний двор к подвалу.

Во дворах, заваленных дровами, играли ребята, кричали, хохотали, кидались снежками. Один ком попал ему прямо в лоб. В другое время он дал бы сдачи как следует этим мальчишкам, но теперь ему некогда было с ними связываться. Будто ничего не заметив, он побежал потихоньку дальше, чтобы за ним не погнались и не проследили, куда он идет. На заднем дворе было пусто. Володя спустился по знакомым заснеженным ступенькам вниз, и вдруг... Что это? Подвал на замке.

Новости! С чего это Сергей вздумал его запереть? Володя, недоумевая, поднялся вверх во двор, сбежал снова вниз. Так делал он много раз, чтобы согреться. А Сергея все не было. Холод пронизывал мальчика, а голова была полна тяжелых мыслей: слова Лидии Петровны не давали ему покоя.

И правда, как это случилось, что он бросил школу, бросил отряд? Ведь еще совсем недавно все это было очень дорого ему, совсем недавно он дружил с ребятами. Потом вспомнилось, как убеждал Сергей: «И зачем тебе эта школа! Максим Горький кончал школу? Нет, не кончал. А великим писателем стал? Стал. Вот поедем с тобой путешествовать...»

Володя вдруг затаил дыхание. Ему послышался голос Сергея. Он был не один. Кто-то другой разговаривал с ним. Они шептались и посмеивались. Володя спрятался за старым, сломанным сараем, откуда доносились голоса.

— Этого рыжего мы, однако, к делу приспособим, — заговорил Сергей. Володя изо всех сил затаил дыхание. Почему-то больно заныло сердце. — Он ловкий и быстрый. Куда угодно прошмыгнет, — продолжал Сергей. — Школьный кабинет в нижнем этаже. Это он мне сам рассказал. Он туда с вечера проскочит, а мы под окнами прогуливаемся как ни в чем не бывало. Он форточку откроет и выбросит нам микроскоп и разные там электромоторчики...

— Ну, а если твой рыжий заартачится? — насмешливо спросил другой.

— Он заартачится?! — Сергей презрительно свистнул. — Да он за меня в огонь и в воду полезет!

— Нет, не полезу и школу свою грабить не дам! — задыхаясь от гнева и обиды, крикнул Володя, выбежав из своей засады.

Не дав опомниться ошарашенным от неожиданности негодяям, мальчик стремительно помчался со двора. Он бежал, крепко сжав кулаки, сгорая от стыда и ненависти к тому, кто так грубо и жестоко обманул его.

Не оглядываясь, мчался он назад, в детскую комнату, к инспектору Лидии Петровне.

СОДЕРЖАНИЕ

В гостях у сына	3
Горная примета	7
Костина романтика	11
День рождения	15
Домашнее задание	21
Встреча с сестрой	25
Случай с букетом	32
Бабушкина обида	35
Вальс Шопена	39
Чемпион по книгам	45
Отличился	49
Чужой фонарик	55

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании и оформлении книги, а также пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская ул., дом № 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», редакция пионерской литературы.

Дубянская Мария Марковна
РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Редактор А. Строев
Худож. редактор В. Плешко
Техн. редактор Г. Морозова

А14031 Подп. к печати 15/XII 1956 года
Бумага $84 \times 108^{1/32} = 1$ бум. л. =
3,28 печ. л. Уч.-изд. л. 2,52
Тираж 90 000 экз. Цена 75 коп.
Заказ 2361

Типография „Красное знамя“
изд-ва „Молодая гвардия“.
Москва, А-55, Сущевская, 21.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ